НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

АКАДЕМИЧЕСКАЯ СРЕДА

АКАДЕМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УНИВЕРСИТЕТОВ

№ 07 (69), 2019

ОКНА АКАДЕМИЧЕСКОГО РОСТА

ПРИЛОЖЕНИЕ К ИНФОРМАЦИОННОМУ БЮЛЛЕТЕНЮ

Книги и время

В этом выпуске о своих любимых художественных и научных сочинениях, а также о книгах, полезных в преподавании, рассказывают Игорь Данилевский, Роман Абрамов и Андрей Кожанов.

Художественная книга

Игорь Данилевский,
профессор школы исторических наук факультета гуманитарных наук, академический руководитель образовательной программы «Современная историческая наука в преподавании истории в школе»

Трудно назвать какую-то одну книгу. В каждом возрасте были свои предпочтения. Если бы мне задали такой вопрос, когда я был в 5-м классе, я бы не задумываясь назвал «Остров сокровищ» Стивенсона, в 9-м – «Мастера и Маргариту»… В конце концов, даже любимые герои в одной и той же книге меняются с годами. Так, в «Трех мушкетерах» для двадцатилетних им обычно бывает д'Артаньян, в 30 лет таковым становится Атос, в сорок – Арамис, а для 50-летних – Портос. Но если уж выбирать сегодня, я бы назвал «Вино из одуванчиков» Рэя Брэдбери. Мне эту книгу в 1970 году на одну ночь дал почитать мой первый университетский Учитель, Владимир Яковлевич Кияшко. В конце 60-х годов прошлого века хорошие книги было достать невероятно трудно. Поэтому «дать почитать» – это была одна из высших степеней доверия. Прочитал я «Вино…» запоем, не заметив, как настало утро. Потрясающий язык (надо отдать должное замечательным переводчикам, которые работали под началом Норы Галь)! Слова, благодаря которым начинаешь чувствовать запахи, ощущать солнечное тепло давно ушедшего 1928 года… Удивительное содержание, когда реальность приобретает фантастические черты, оставаясь самой собой. И, может быть, главное – понимание каких-то удивительных свойств времени: прошлое, которое живо до тех пор, пока его помнит кто-то из очевидцев, и умирает вместе с тем, кто его пережил сам; подросток, который остается жить в старом человеке… Наверное, именно это еще тогда, в 70-м, я запомнил больше всего. А сейчас, по прошествии более полувека, не только понимаю, но и остро ощущаю это на себе. Мудрая и светлая книга. Ее стоит читать и перечитывать в любом возрасте. Она учит любить жизнь, видеть те ее стороны, которые мы порой не успеваем замечать. Но если посмотреть на свою повседневность глазами Брэдбери, она становится удивительной и прекрасной. А потому – рекомендую всем!

Роман Абрамов,
доцент, заместитель заведующего кафедрой анализа социальных институтов департамента социологии факультета социальных наук

Вопрос о любимой художественной книге самый сложный и, пожалуй, не имеющий ответа. В разном возрасте, в разном настроении и на различных этапах биографии одни книги оставляют равнодушными, а другие становятся важными и если и не влияют на мировоззрение, как это должно было бы стать с советскими комсомольцами, прочитавшими роман Николая Островского «Как закалялась сталь», но обогащают воображение, дают новые знания, становятся формой эмоционального опыта. Поэтому я прошел долгий путь чтения, начиная с детства, вместе с увлекшей меня во втором классе «Лесной газетой» Виталия Бианки издания ранних пятидесятых, через очевидный набор приключенческой литературы советского школьника, включавший Жюля Верна, Артура Конан Дойла, Александра Беляева, Эдгара По, братьев Стругацких и др., а также восприняв весь эклектичный корпус литературы, ставший доступным в период перестройки, благодаря первым большим тиражам или первым изданиям после долгих лет цензурных запретов, – Дж. Оруэлл, Дж. Р. Толкиен, М. Булгаков, В. Набоков, А. Ахматова и др. Потом всё продолжилось В. Пелевиным, В. Сорокиным, М. Елизаровым. Мой опыт чтения продолжается и сегодня. Из более свежих впечатлений могу выделить «Благоволительницу» Литтела, «ЖД», «Орфографию», «Остромов» Д. Быкова, «Врожденный порок» Т. Пинчона, «Щегол» Д. Тартт, «Петровы в гриппе и вокруг него» А. Сальникова, «Елтышевы» Р. Сенчина и многое другое.

Однако хочу остановиться на книге, которая, с одной стороны, мне кажется отличным образцом современной российской прозы, а с другой – путеводителем по сумеречному времени первой половины восьмидесятых, когда страна переживала «гонки на катафалках», советская идеология выглядела всё более абсурдно в своих механических попытках поддержания общественного консенсуса, а экономическая деградация давала себя знать в разладе промышленности и утомляющем дефиците. На этом фоне разворачивается история взросления советского подростка из романа Шамиля Идиатуллина «Город Брежнев».

Итак, мы имеем гигантский промышленный город, построенный на волне последних усилий по индустриализации страны, с почти полумиллионным населением, состоящим из приезжих, которые работают на главном предприятии – автомобильном заводе. Соседские, трудовые, личные социальные отношения еще только складываются, из-за чего новоиспеченные горожане переживают дюркгеймовское ощущение аномии и пытаются найти себя в продуваемом всеми ветрами каменном лабиринте новостроек. Главный герой учится в школе и лавирует между ролями хорошего сына и прилежного ученика и участника уличной банды, которые стали активно появляться в то время в новых микрорайонах многих советских городов. Роман насыщен деталями повседневности начала восьмидесятых, включая тонкости быта, производственных отношений и мироощущения людей того времени. Зыбкость предперестроечного периода обозначена и в названии романа: в действительности Набережные Челны были очень недолго городом Брежневом, и этот странный топоним ушел в небытие вместе с СССР.

В последнее время художественных книг о позднем советском прошлом выходит довольно много, и авторами их являются те, кто тогда взрослел и ухватил почти бессознательно настроение угасающего режима. «Город Брежнев» Идиатуллина – одна из лучших работ в этом ряду: отличный сюжет, насыщенное описание, атмосфера неясной мути, охватившая страну после смерти Брежнева, – всё это передано блестяще, и, вероятно, именно по таким книгам, а не по историческим исследованиям будут судить о духе той эпохи в будущем.

Академическая книга

Игорь Данилевский

Еще один трудный вопрос! Выбор мною профессии не зависел от книг. Историком я решил стать, когда еще не умел читать как следует. Что же касается моего становления как ученого… Наверное, это была «Легенда о Тиле Уленшпигеле и Ламме Гудзаке, их приключениях – забавных, отважных и достославных во Фландрии и иных странах» Шарля Де Костера. Впервые я прочитал ее в 5-м классе, а потом перечитывал, перечитывал, перечитывал… Это была настоящая, живая история: веселая и мрачная, прекрасная и отвратительная. Легенда. Сказка. Но и реальность. Жизнь, которая всегда побеждает. И юмор, без которого невозможно выжить в самые тяжелые времена. И конечно, завораживающий язык (еще раз спасибо переводчикам!). Так я и стараюсь относиться к той истории, которую изучаю и пытаюсь понять и которую пытаюсь преподавать.

Роман Абрамов

Точно так же, как и с художественными книгами, не могу однозначно сказать, что была одна-единственная книга, которая подвигла меня стать исследователем и преподавателем университета. Скорее меня можно считать жертвой позднесоветской индустрии Popular Science с ее телепрограммой «Очевидное невероятное», тематическими документальными фильмами и, конечно, научно-популярными журналами. Я любил читать и перелистывать «Технику молодежи», «Науку и жизнь», «Юного техника», «Юного натуралиста», «Вокруг света», однако если говорить о науке как о захватывающем приключении, то наибольшее влияние на меня оказала архивная подшивка легендарного журнала «Химия и жизнь» за несколько лет позднего застоя 1977-83 годов, которая попала ко мне случайно в возрасте девяти лет. Эту подшивку мне отдали для сдачи макулатуры как юному пионеру соседи из дома напротив – тогда была распространена практика школьных кампаний по сбору макулатуры. В итоге подшивка надолго поселилась у меня дома.

«Химия и жизнь» того времени – лучший научно-популярный журнал страны, удачно сочетавший в себе фундаментальность научного издания, увлекательность популяризатора науки и элементы актуального искусства, включая легкую психоделию в иллюстрациях и публикацию рассказов известных писателей-фантастов. Любопытно, что этот журнал родился как побочное дитя большой кампании по химизации народного хозяйства, затеянной еще Никитой Хрущевым, и новое издание было призвано просвещать население в области достижений современной химии.

Конечно, я мало что понимал в статьях по химии, но сочетание очень оригинального графического дизайна, по-настоящему яркого и захватывающего содержания, включая фантастические рассказы, сделали свое дело: я понял, что наука – это интересно. Когда химию мы стали изучать в школе, предмет этот мне давался с трудом, а поэтому я скорее воспринял поэтику «Химии и жизни», нежели понял всё, о чем тогда писал этот журнал. Могу только сказать, что, когда много лет спустя я приобрел оцифрованную версию архива этого журнала, я абсолютно в нем не разочаровался: и сегодня дизайн обложек и иллюстративный ряд смотрятся современно, а сюжеты статей не выглядят скучными.

Андрей Кожанов, старший преподаватель кафедры анализа социальных институтов департамента социологии факультета социальных наук, директор Центра академического развития студентов

Задолго до того, как читать эссе стало моей работой, я читал их бесплатно. Одно из них оказалось очень сильным, и я бы хотел поделиться этим впечатлением. Тем более что с учетом современных перегрузок все будут рады узнать, что эссе это всего на девять страниц и его легко освоить. Автор – знаменитый Бертран Рассел, британский философ и логик, а эссе называется «"Бесполезное" знание». Оно написано для всех как просветительская публицистика и в надежде сделать людей лучше через улучшение их способности думать, быть рациональными, самостоятельными и ответственными. Эссе написано в 1941 году. Рассел размышляет о двух вещах: может ли существовать знание, которое называют «бесполезным» (поэтому оно и в названии эссе в кавычках), и в чем смысл различения чего-то как «бесполезного» и «полезного».

Рассел приводит примеры того, как риторика «пользы» от знания конструируется, в то время как в основе приверженности к науке, к логике, к рациональной картине мира лежит способность получать «умственное удовольствие» от самого процесса познания, расширения границ. Словно вмешиваясь в выбор современного выпускника бакалавриата относительно того, в какую магистратуру пойти, когда одна позиционируется как «полезная» («прикладная»), а другую стигматизируют как «теоретическую» (словно ничего не может быть хуже этого), Рассел напоминает о знании, которое оказывается подчас полезным в жизни, хотя было получено в «не омраченной мыслью о полезности» ситуации. Это эссе о вечном выборе и о ложной дихотомии на этом пути. Эссе будет полезно как способ мыслить автономно от давления окружающих, например родственников, желающих всей душой, чтобы бакалавр-выпускник был богат и успешен. Но это еще и напоминание о том, что получение удовольствия от приобретения знания является сильно недооцениваемым преимуществом человека, думающего и читающего. Эта мысль не потеряла своей актуальности, и размышления Рассела о том, как устроена связь между утилитаризмом и образованием или почему «развлечения современного городского населения» основаны на «неактивном наблюдении за искусными действиями других» вместо активного познания, остаются в нашей повестке как проблема современной научной коммуникации.

Один пример того, как Рассел может улучшать способности человека думать. Моя учительница физики в школе, она же завуч, много посвящала себя воспитательной работе с нами. В выпускном классе мы неоднократно слышали от нее и из культуры за окном (1996 год), что выбирать факультет и специальность надо разумно. Например, выбирая между классической филологией или историей и новейшим искусством проведения фокус-групп в политике или маркетинге (как в кино с односторонним зеркалом!), мы слышали аргумент из «Фауста» Гёте: «Суха теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет». Кстати, под зеленым цветом тогда угадывалась неведомая Гёте ассоциация с долларами, которая сейчас безнадежно утеряна. Месседж был понятен: выбирай прагматику. Вполне вероятно, так говорили и во времена Рассела, потому что он начинает разбираться с этой цитатой Гёте как аргументом. И обращает наше внимание на контекст диалога, где эту фразу произносит Мефистофель в отношении студента-бакалавра, выбирающего будущий путь в жизни. То есть это именно то, что и должен был сказать дьявол. Ну или воспитатель, не понимающий, что он говорит. Идея же Рассела состоит не в том, что он знает правильный путь, а в том, что познавательные способности будут приносить пользу человеку вне зависимости от того, в какой именно сфере он старается быть лучшим и получает от этого удовольствие.

Я рекомендую это эссе студентам всех специальностей, которых часто и с нескрываемой заботой спрашивают при встрече, кем же они все-таки будут.

Книги и студенты

Игорь Данилевский

Со студентами я чаще всего работаю с текстом «Повести временных лет». Почему? Во-первых, это единственная «книга» (на самом деле это условно выделяемый из летописей текст, который в них повторяется), которая рассказывает об истории Древней Руси X – начала XII века в связном виде. Во-вторых, потому, что я знаю этот текст чуть лучше, чем прочие тексты, относящиеся к периоду, которым я занимаюсь. Наконец, в-третьих, это тоже живая история, которая, правда, излагается в довольно странном для нас виде. Но в этом и прелесть Повести. На ее тексте можно показать, как летописец видел мир, в котором он жил, и как за очевидным текстом могут скрываться тайные смыслы. Это своего рода детектив, когда, казалось бы, мелочи изложения могут помочь увидеть многое из того, о чем нам не хотят рассказывать в «открытом» тексте. А тайна всегда привлекательна. Она делает историю по-настоящему интересной для студентов, позволяет им понять, почему я с таким удовольствием занимаюсь давно прошедшими временами. И чем больше их интерес, тем лучше их результаты. Как говорится, что и требовалось доказать…

Роман Абрамов

Время учебников, кажется, ушло в прошлое – все читают первоисточники и чаще даже не книги полностью, а отдельные главы или журнальные статьи. Между тем в моих курсах, конечно, есть рекомендации по тому,

на какие книги стоит обратить внимание, и это касается не только научной литературы: например, по курсу «Социология образования» мы обращаемся к роману Питера Хёга «Условно пригодные», который служит отличной иллюстрацией жестких моделей школьной системы, теоретическую разработку которых можно найти в классическом тексте Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать» и в идее тотальных институтов Ирвина Гофмана.

Главный герой «Условно пригодных», сирота и трудный подросток, проходит все круги ада датской воспитательной системы интернатного типа, пока не оказывается в закрытой школе для таких же подростков, в центре модели обучения которой находятся изощренные приемы дисциплинирования. Действие романа разворачивается на рубеже 1960-70-х годов, когда революционные изменения в сфере образования на школьном уровне где-то уже произошли, а где-то только назревали. В закрытых учреждениях для детей-сирот надолго сохранились жесткие порядки тотального недоверия, надзора и контроля, взятые из практик еще викторианской эпохи и сочетавшиеся с достижениями экспертной психологии своего времени, включая тесты на измерение IQ и других характеристик подопечных, результаты которых ложились в основу жесткого рейтингования и бюрократической классификации воспитанников этих интернатов. Особое внимание в подобном интернате уделялось времени и контролю за действиями учеников с помощью скрупулезно и посекундно детализированного распорядка дня: «Скрытый дарвинизм. План, который угадывался за временем, состоял в естественном отборе».

Герой Хёга начинает сопротивляться отлаженной машине подавления личности, основанной на экспертизе, дисциплинарном насилии и процедурном контроле. Он находит слабое звено в системе и в результате выходит победителем, получив при этом тяжелую психологическую травму. Окончив университет, он занимается реформой системы образования и воспитания сирот в Дании, с ориентацией на гуманизацию этой системы.

«Условно пригодные» до сих пор остаются актуальным чтением не только для сопровождения обсуждения фукианских сюжетов в системе школьного образования, но и как предупреждение о том, что экспертные знания, технологии контроля и измерения, помноженные на бюрократическую власть, являются отнюдь не нейтральными и обладают потенциальными рисками для системы образования.

Андрей Кожанов

Студенты общественных наук (социологи, политологи, экономисты) и особенно гуманитарии на наших занятиях по социологии довольно долго не могут понять, почему после стольких лет школьной биологии, с которой многие попрощались навсегда, им приходится опять погружаться, хоть и на одну-две лекции, в бихевиоризм. В их уютной картине мира, как правило, бихевиоризм Скиннера сведен к физиологии Павлова, и все они – к некоторой «собаке», а эксперимент как метод оторван от социобиологического контекста его развития в наших науках в пользу физики или химии. Для того чтобы объясниться с ними по поводу, например, «оперантного научения» Скиннера, мне нравится провоцировать их гуманистический комплекс через роман Федора Достоевского «Преступление и наказание». Во-первых, если они и читали Достоевского, то давно, обычно в 10-м классе, то есть до получения того психологического и социального опыта, чтобы понимать это непростое произведение по-своему. Во-вторых, прочтение текста в зависимости от школы методически выстроено вокруг интерпретации, принятой за основную в учебнике. Это еще со времен вступительных сочинений и сборников «100 лучших сочинений». Но главное – они помнят сюжет и способны дать общую гуманистическую интерпретацию того, что хотел сказать Достоевский. Не надо забывать, что у них средний балл по русскому достаточно высокий. И тем более забавно разбирать с ними на семинаре всю сюжетную линию романа на доске, применяя сначала объяснение Достоевского, а затем принципы радикального бихевиоризма Скиннера. Здесь мы выходим на некоторые сюжеты книги Скиннера, в которой Достоевский цитируется открыто, – «По ту сторону свободы и достоинства» (1971). Книгу эту мало кому из социальных ученых довелось прочитать, да и сам бихевиоризм слабо представлен. И вот отлично получается ответить на вопрос, было ли поведение Родиона Раскольникова рациональным и обусловленным, в чем смысл окружающих персон и что именно происходит в так называемом «третьем сне» Раскольникова. Это тот самый сон о моровой язве, или сон на каторге, после которого герой преображается. Это все помнят, кто писал шаблонные вступительные сочинения сначала о снах Веры Павловны («Что делать» Чернышевского), а затем о снах Раскольникова. Идея того, что набивший оскомину после школьной казуистики текст можно использовать как материал для рефлексии относительно надежности и адекватности социологического объяснения, конечно, не будет воспринята на ура специалистами по Достоевскому, но очень помогает показать преимущества и возможности естественнонаучного паттерна объяснения для понимания довольно тривиальных сюжетов со сложной, как говорили в милиции, мотивировкой. Федор Михайлович применительно к целям социологического курса помогает понять различия между поведением и презентацией, их взаимную обусловленность, невозможность некоторых выводов и ситуаций и приземленность альтернативного научного объяснения. Вот только получать удовольствие от этого романа дальше уже никак не получится…

Выпускается НИУ ВШЭ. Редактор Сергей Матвеев. Иллюстрации Сергея Плешкова.
Материалы подготовлены при участии Владимира Селивёрстова.
Контакты: okna@hse.ru, (495) 772 9590, доб. 12-677. Дата выпуска: 26.09.2019.
Подписаться на рассылку можно здесь: http://okna.hse.ru/subscribe